

УДК 371.4

СПАСАТЬ ОТ НЕНАВИСТИ

Евгений Александрович Ямбург,
*заслуженный учитель РФ, доктор педагогических наук,
действительный член (академик) РАО, директор
московского Центра образования № 109, Москва*

На майке подростка, совершившего непоправимое в керченском колледже, крупными буквами было написано **НЕНАВИСТЬ**. Ненависть на какой почве? На любой: социальной (нищенское существование на средства санитарки матери), национальной, конфессиональной, на почве неразделённой любви, зависти к более успешным сокурсникам и т.д. и т.п. Ненависть к кому? К кому угодно: придирчивым преподам, девушке, не отвечающей взаимностью, сокурсникам, подсмеивающимся над твоими скромными успехами в учёбе, ко всему несправедливому и равнодушному к твоей персоне миру.

- ненависть • глобализация • кросс-культурный кризис • справедливость
- эгоизм боли • покаяние

Ненависть рождает жажду мести во имя восстановления попорченной справедливости. Великая цель (достижение справедливости) наполняет душу осмысленным существованием, побуждает скрупулёзно готовиться к главному СОБЫТИЮ, когда в результате подвига, пусть даже

ценой собственной жизни, будет восстановлена СПРАВЕДЛИВОСТЬ. А ещё о тебе узнают сотни тысяч людей, и ты из серой неприметной мышки мгновенно превратишься в героя культового сериала.

А что, зря, что ли, герой Сергея Бодрова в фильме «Брат», завершив криминальную кровавую разборку, поучает американца:

«Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда — тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И чего, ты сильнее стал? Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда, значит, он сильнее. Да? Дмитрий Громов, мани давай».

За керченским тихушником, который ранее ничем не выделялся среди прочих сверстников, не был замечен в патологических наклонностях, не замешан криминальных историях, своя убогая, ущербная правда.

Своя правда и у президента РФ, который относит кровавые события в Керчи к влиянию глобализма. Владислав Росляков действительно копировал действия убийцы в американской школе «Колумбайн» в 1999 г. Подобные трагедии происходят во всём мире и в первую очередь в Америке, где возможность подростков обзавестись оружием во много раз больше, нежели у нас. Левая идея, в основе которой лежит жажда восстановления справедливости, победно шагает по планете. Справедливости требуют все: устремившиеся в европейские страны африканцы, чей доход восемь долларов в месяц, европейцы, не желающие тратить бюджет на прокормление пришельцев, американцы, чей экономический и промышленный рост оказался под угрозой, поскольку транснациональные корпорации развёртывают производства в азиатских странах, где дешёвая рабочая сила. Отсюда — таможенные войны, которые ведёт Америка. Всё так. Но важно помнить, что, раздевая Америку, при этом мы себя не одеваем.

Оставим в стороне посыпавшиеся, как из рога изобилия, предложения преимущественно запретительного характера (о их на-

ивности и нереалистичности достаточно написано специалистами), будем лишь помнить, что Америку можно открыть, а вот закрыть уже не удастся. В этом контексте Америка, разумеется, метафора глобализации.

Налицо глобальный кросс-культурный кризис. Цивилизация, образно говоря, пошла вразнос. Первыми, как всегда, это почувствовали, благодаря интуиции, писатели ещё в середине прошлого века. Герой романа Антуана де Сента Экзюпери «Цитадель» говорит: «Жизнь представляется мне веточками разбросанного веника. И не хватает божественного узла, чтобы связать их воедино». Потеря ощущения целостности мира крайне болезненна как для взрослых, так и для детей. Центростремительные силы разрывают сознание современного человека. Отсюда — рост психоневрологических заболеваний (в России этот тип заболеваний вышел на первое место среди детей и подростков) и как следствие — нарастание взаимной агрессии.

Божественный узел, который должен вернуть утраченную целостность бытия, — это опора на незыблемую шкалу ценностей, которая, в свою очередь, опирается на святыни. Иными словами, стремление возвратиться к архаике, к золотому веку, который якобы был в прошлом. Так, в качестве защиты от глобализма предлагаются национальные и религиозные скрепы, которые призваны спасти народ богоносцев от стаи отморозков из Интернета, преклоняющихся перед Соединёнными Штатами.

Но при таком подходе надо поставить крест на прогрессе, который, как ни крути, несёт людям комфортное существование. Отсюда — слепое поклонение прогрессу, который автоматически, наращивая технологическую мощь, решит все проблемы человечества. Оба подхода от лукавого.

О потерях и приобретениях современной цивилизации в конце прошлого века замечательно писал философ и культуролог

Г. Померанц: «Есть два мифа, один печальный, другой утешительный. Оба они лгут. Первый миф о золотом веке (а потом серебряном, медном и, наконец, о нашем железном веке). В золотом веке оставляют стариков и больных на съедение зверям, а лишних детей убивают. Следы этих обычаев сохранились до наших дней в цивилизациях Дальнего Востока.

Второй утешительный миф — прогресс. Сегодня лучше, чем в тёмные века; завтра будет ещё лучше. Трудно сказать, что будет завтра; может быть, ничего не будет. Но мир становится сложнее и сложнее, и человек теряется в дебрях цивилизации. Чем больше новых частных, тем труднее уловить дух целого (а только в причастности к целому коренится смысл жизни). Развитие постепенно разрушает приёмы возвращения к простоте и цельности, разрушает символы целого, повисшие в пространстве, где нет ни одного факта».

Анализируя керченскую трагедию, лидер страны считает: «...что мы все плохо реагируем на изменяющиеся условия в мире. Это значит, что мы не создаём нужного, интересного и полезного контента для молодых людей». Кто бы спорил. Но создание такого контента невероятно сложная задача, исключая истерику и взаимные обвинения так называемых фундаменталистов и либералов. Как и чем уравновесить крайние точки зрения? Такие попытки делаются, но пока получается коряво.

В одном из городов центральной России я увидел любопытное учебное заведение «Казачий информационно-технологический лицей». Лампасы, папахи и другие атрибуты формы лицеистов демонстрировали приверженность руководства учебного заведения исконным традициям. Но причём здесь современные информационные технологии, которые, как известно, не знают национальных границ? Оказывается, концепция лицея предусматривает создание специальных казачьих дружин для обеспечения информационной безопасности в Интернете! Слов нет, информационная безопасность — вещь серьёзная. Подготовка таких специалистов востребована государством, вызывает интерес тех подростков, которые не связывают её будущее с военной

карьерой. Кроме того, приобретённая специальность гарантирует в будущем достойную оплату. Всё это осознают руководители этого учреждения, озабоченные привлечением абитуриентов. Что не так? Вместо шашки, которая, впрочем, на всякий случай висит на боку, курсантам предлагается размахивать гаджетами, вырубая из Интернета крамолу. Сложная сугубо технологическая задача, окрашиваясь в идеологические тона, превращается в миссию, суть которой — поиски скрытых врагов, которые со всех сторон подкапываются под фундамент нашей особой духовности. Так из этой концепции явно торчат уши конспирологии, всегда порождающей страх, подозрительность и всё ту же ненависть. Что происходит неизбежно, когда пытаются соединить туловища быка и голову овцы. Такой идеологический мутант нежизнеспособен.

Конспирологические версии тех или иных грозных событий, распространяющиеся со скоростью пандемии по всему миру, — результат повсеместно растущего недоверия к официальным средствам массовой информации. В результате наведённого конспирологическими версиями страха невероятно повышается градус агрессии. Специалистам по истории первобытности известны техники, с помощью которых древние племена приводили себя в агрессивное состояние. Вступая на тропу войны, мужчины племени исполняли ритуальный танец войны. Характерно, что дети, женщины и старики в это время прятались в укрытиях. Почему? Потому что воин, впавший в боевой экстаз, превращался в идеальную машину для убийства, сметающую без разбора всё на своём пути. Свой или чужой — значения не имело. Но, возвращаясь с победой, мужчины племени исполняли специальный ритуальный танец мира, тем самым приводя себя в нормальное состояние. После чего мирное население безбоязненно покидало укрытия. Сами того не ведая, мы с помощью

современных средств массовой информации запускаем первобытные техники невероятной возгонки агрессии. Стоит ли после этого удивляться тому, что подросток (семнадцатилетний подросток в племени — это уже мужчина-воин, владеющий оружием) превращается в убивающую машину? Поэтому в керченской истории не следует утешать себя простым и удобным объяснением, что мы имеем дело с психопатом, которого вовремя не продиагностировали. Зададимся лучше прямым и неудобным вопросом — отчего число таких психопатов неизменно растёт?

Школа не висит в безвоздушном пространстве; она существует на семи ветрах: идеологических, геополитических, социально-экономических, национальных, конфессиональных, психоэмоциональных, наконец, иррациональных, ибо человеческие поступки не сводимы исключительно к рациональным мотивам. Порой эти ветра приобретают шквалистый характер, прогибая школу со всеми её обитателями (педагогами, детьми и родителями) то в одну, то в другую сторону. Очевидно, что стране необходима длительная педагогическая терапия, в результате которой нам всем предстоит обучиться искусству диалога.

А пока взрослые не образумились, в первую голову надо спасать детей от ненависти. На память приходят стихи А. Галича, чей столетний юбилей мы странным образом отмечали на первом канале ТВ в глубокой ночи, когда дети и подростки спят беспробудным сном. А зря. В поэме «Кадидиш», посвящённой Я. Корчаку, опираясь на дневник праведника, Галич пишет:

*Я старался сделать всё, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский Бог:
Всё я, Боже, получил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу, спаси от ненависти,
Мне не причитается она.*

Парадоксальный факт — дети и подростки в гораздо большей степени, чем взрослые, которых заел быт, расположены к серьёзным разговорам. Их психику не стоит беречь, окружая гиперопекой, скрывая трагические страницы прошлого и настоящего, исходя из патриотического посыла. На этот ложный посыл прекрасно ответил Гоголь в «Театральном разъезде» «Зачем он берedit наши раны?» А второй отвечает: «Это твои раны, а не мои. возьми и ходи с этими ранами, они твои». С детьми надо разговаривать честно. Молчащее поколение проигрывает свою историю, а значит, и будущее.

Но способно ли слово стать целительным лекарством взросло-детского сообщества? И здесь мы вновь обращаемся к великой русской поэзии, в частности к Н. Гумилёву:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передаёт.*

*Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро, и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.*

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.*

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.*

Всё так. И человеку в равной степени нужны и прорывы духа, и здравый смысл, передаваемый с помощью умного числа. А вот мёртвые слова действительно дурно пахнут, отвращая фальшью и взрослых, и детей!

Если дать себе труд подумать, нам есть из чего создавать нужный, полезный и интересный контент для молодых людей, за который ратует национальный лидер. Образно говоря, нам предстоит перейти от бесконечного исполнения ритуального «танца войны» к постепенному освоению «танца мира», приводящего умы и души молодых людей в нормальное состояние. Что сделает более безопасным существование окружающих. Надо отдавать себе отчёт в том, что запретительные меры, призванные снизить градус агрессии и обезопасить общество от кровавых эксцессов, не только неэффективны и неисполнимы в полной мере в открытом информационном пространстве, но рождают у молодых людей ещё больший протест, а следовательно, всю ту же агрессию, направленную в адрес мира «не догоняющих» взрослых.

Обострённая жажда справедливости, имманентно присущая подросткам и социально обделённым слоям населения, неизбежно рождает жажду мести. **Но месть не имеет ничего общего со справедливостью.** Эта не очевидная не только для подростков, но и для многих взрослых людей мысль в равной мере нуждается в доказательствах и в ещё большей мере в конкретных примерах.

Философ Г. Померанц писал: «Зло — порождение жизни. Жизнь всегда — отдельная, и, утверждая себя, она душист и поедает другие жизни. Даже деревья — загораживая солнце. Ещё больше животные и птицы. И больше других — человек. Но человек — не только живое существо; он ещё существо духовное, образ и подобие Бога, и сознание себя как образа Бога восстаёт против законов жизни, отменить которые до конца он не может. И всё же ноет в груди, как совесть». Кажется, никто не понимал это лучше Тютчева: «И от земли до крайних звёзд всё безответен и поныне глас вопиющего в пустыне, души отчаянный протест».

На протяжении жизни мы все наносим друг другу раны, испытывая боль и причиняя её

окружающим. **Тем ценнее случаи, когда человек в состоянии подняться над эгоизмом собственной боли.** Такие случаи единичны, но тем ценнее их представление подросткам.

Шёл 1946 год. В швейцарских Альпах собралось учредительное собрание «Общества морального перевооружения». Инициатором его был пастор Фрэнк Бухман. На собрание съехались представители многих европейских стран, не было лишь немцев. Бухман предложил позвать и их. Поморщились и пригласили. Но как только немецкая делегация вошла в зал, поднялась и демонстративно вышла французская. Во главе её была социалистка, участница Сопротивления Ирэн Лор, на глазах у которой гестаповцы замучили сына.

Фрэнк Бухман задал ей лишь один вопрос: «Как вы, социалистка, представляете себе будущую Европу без Германии?» Ирэн Лор думала 36 часов. Затем вернулась в зал и поднялась на трибуну. Наступила пронзительная тишина. Немцы сжались, ожидая гневных и по-человечески вполне оправданных обвинений в свой адрес. Ирэн Лор принесла извинения немецкой делегации за то, что не смогла справиться с охватившей её ненавистью.

Случай мгновенно стал известен во всей Германии. После чего, не только по указанию союзников, возникло то самое немецкое покаяние. Но есть и другая, параллельная правда: немецким обывателям, заикавшимся о том, что нельзя, мол, всё охаивать, ведь при Гитлере было много и хорошего, не выдавали продуктовые карточки до тех пор, пока они не совершат принудительной экскурсии в один из концлагерей. Возвратившимся в слезах гражданам новой Германии карточки отпускались.

В нашей стране нет ни одного народа, включая титульную нацию, кто не носил бы в сердце историческую травму.

Продолжать сравнивать, чья боль больнее — значит подрывать основы гражданской идентичности, доводя ситуацию до того состояния, которое зафиксировал В. Высоцкий в песне, записанной на грозненском телевидении незадолго до его смерти:

*Вспоминанья только потревожь я —
Всегда одно: «На помощь! Караул!..
Вот бьют чеченцев немцы из Поволжья,
А место битвы — город Барнаул.*

Как известно, оба народа подверглись депортации, но сводят счёты в месте высылки.

Историческая трактовка голодомора как геноцида исключительно украинцев — из того же разряда эгоистичной трактовки общих исторических травм.

Преодоление «эгоизма боли» — одна из важнейших задач школьных курсов отечественной истории. Отсюда следует важный историко-педагогический вывод, помимо прочего, находящийся подтверждения в психотерапевтической практике: любые личностные или исторические травмы беспо-

лезно и даже опасно загонять внутрь путём замалчивания. Подобно минам замедленного действия, рано или поздно они взорвутся, чему мы уже были свидетелями на рубеже веков. Люди — и в первую очередь вступающие в жизнь поколения — нуждаются в глубоком осмыслении прошлого. На первый взгляд, глубокое осмысление прошлого — прерогатива профессионалов. Но здесь речь идёт не о мёртвой цеховой учёности, а о постепенной выработке у юношества мудрого, взвешенного, сострадательного отношения к истории. В этом ракурсе проблема приобретает исключительно педагогическое значение. Для её решения необходим долгий откровенный разговор на самые болезненные темы. Самое трудное для педагога — взять правильный тон в таком разговоре, пройти между Сциллой горячего историзма и Харибдой холодного пессимизма. Но прежде всего, с учётом главных уроков XX века, долгий разговор необходим для того, чтобы наши дети не превращались в палачей, подобных керченскому подростку. **НО**

To Save From Hate

Eugeny A. Yamburg, honored teacher of Russia, doctor of pedagogical Sciences, full member (academician) of the RAO, Director the Moscow center of education № 109, Moscow, Russia

Abstract. *The tragic incident in Kerch. Hatred as the driving force behind the act of a teenager who shot peers and teachers. Aggression and thirst for revenge in the teenage environment. Selfishness of self-pain and repentance. Understanding the past. and a compassionate attitude towards history.*

Keywords: *hate, globalization, cross-cultural crisis, justice, selfishness of pain, repentance.*